

СЕРГЕЙ ОБРАЗЦОВ

Маленькие **р**ассказы
ПРО ЖИВОТНЫХ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» • 1980

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«МАЛЫШ»

Москва

1980

СЕРГЕЙ ОБРАЗЦОВ
Маленькие рассказы
ПРО ЖИВОТНЫХ

Рисунки
Н. Чарушина

ЗА ОКНОМ ОСЕНЬ

Я сижу за письменным столом и думаю о книжке, которую давно хочу написать ребятам.

Про животных.

Очень хорошо думать, когда на что-то смотришь. Особенно, если перед глазами что-нибудь движется или меняется.

На костёр или на горящие дрова в печке очень хорошо смотреть. Огонь то разгорается, то слабнет. Искры летят. Дым вьётся.

На облака смотреть тоже хорошо. Как они движутся, как растягиваются, тают. Можно целый час под облаками на траве пролежать и о разных вещах думать.

В окно глядеть тоже очень хорошо.

Вот я и гляжу.

Письменный стол стоит у самого окна. За окном серое небо. Будто полотном затянуто. Слышно, как летит невидимый самолёт. Всё тише и тише звук. Вот и совсем пропал. Значит, улетел. В другой город. А может, в другую страну.

Осень.

Вчера ещё зелёная, лужайка сегодня покрыта мокрым снегом. По снегу вразвалку очень важно ходит

ворона, поглядывает в разные стороны. Взлетела и опять села, чуть подальше. Почему это?

Ага, ясно. На лужайку вышел Малыш.

Не думай, что это ребёнок. Совсем не ребёнок, а очень большая собака. Чёрная и лохматая, как медведь.

По породе она водолаз, или, если называть эту породу по-английски, то ньюфаундленд. Это потому, что родина этой породы — канадский остров Ньюфаундленд.

А «водолазами» эти собаки называются за то, что помогают рыбакам вытаскивать из воды сети. Они очень хорошо плавают, и у них между пальцами лап есть даже перепонки. Конечно, не такие, как у лягушек, но всё-таки перепонки.

Малыш сидит на снегу и лениво смотрит на ворону, а она опять взлетела и села почти на то же самое место.

Что это с ней такое? Почему она нервничает?

Понятно, почему. На лужайку выбежал Максим.

Только ты опять не думай, что это мальчик выбежал. Совсем не мальчик, а очень-очень маленькая рыженькая собака на тоненьких ножках.

Максиму холодно, у него нет такой толстой шубы, как у Малыша, и он всё время поднимает то одну лапку, то другую.

Почему его называли Максимом, я не знаю. Кто-то перекинул его к нам через забор с записочкой, на которой было написано: «Зовут Максим. Просим не обижать. Вернёмся — возьмём».

Прошло пять лет, никто за Максимом не пришёл. Вероятно, бывшие его хозяева улетели куда-то на самолёте, а собаку в самолёт не пустили без свидетельства от доктора о том, что она здорова. Свидетельства не было, и пришлось хозяевам с Максимом расстаться.

Ну что поделаешь? Нельзя же его на произвол

судьбы за калитку выбрасывать. Вот и остался Максим у нас жить. Все его любят. Даже старый кот, которого зовут Барсик.

Все трое—Малыш, Максим и Барсик—часто спят вместе, прижавшись друг к другу.

Максим, хоть и маленький, решил, что он тут главный хозяин. Лает на прохожих, на гостей, на ворон.

А вот сейчас почему-то на ворону даже не взглянул. Подошёл к Малышу и лизнул его в чёрный нос.

Откуда-то появился Барсик. Идёт прямо к собакам. Подошёл и, подгибая голову, трётся боком о большую чёрную лапу Малыша. Очень интересно на них глядеть.

Ворона улетела. Зато прямо к окну прилетел дятел. Красивый—крылья чёрные с белыми пятнами, грудка светло-светложёлтая, низ живота красный, и на голове красная шапочка. Быстро схватил из кормушки подсолнух и смешно улетел, будто ныряя в воздухе.

Кормушка висит под перилами балкончика, прямо перед моими глазами. Всё время качается, потому что минуты не проходит, чтобы к ней не под-

летела то одна, то другая птица.

Больше всего синиц. Меня они не боятся. Иногда сядет какая-нибудь на подоконник и смотрит, что я там за стёклами делаю. То одним глазом посмотрит, то другим.

В прошлом году прилетала лазоревка—маленькая голубенькая синичка. В этом году её что-то нет. Может, прилетит. Я по ней соскучился.

А поползень по-прежнему прилетает. Смешная птица, может и вверх и вниз головой по дереву ползать, как муха. Вот он сидит на стволе берёзы головой вниз и о чём-то думает.

Подлетел к кормушке. И клюёт подсолнушки один за другим. Синица—та по-другому. Схватит подсолнух и летит на ветку.

Вот и сейчас: подлетела и мигом—на соседний дуб. Села на ветку, прижала подсолнечное семечко лапой и бьёт его клювом, чтобы зёрнышко вытащить.

Стайка снегирей пролетела. Интересно, куда это они?

Надо пойти посмотреть.

Вышел в сад.

Оказывается, снегيري уселись на куст сирени и теребят сиреневые семена.

Правильно я сделал, что отцветшие кисти цветов не отрезал. Значит, будет чем снегирям лакомиться.

Удивительно красивые птицы! Сиреневые кусты прямо-таки красными цветами зацвели. Не много их, правда, всего, наверное, штук десять, а всё-таки красиво.

Дошёл до маленького прудика. Он ещё не замёрз. Весь покрыт опавшими листьями черёмухи. Будто ковёр. А сквозь листья видны золотые рыбки. Хорошо, что я с собой баночку с пшённой кашей захватил. Насыпал с краешку. Она на дно опустилась. В этом месте мелко. Всё видно. Рыбки подплыли, стали есть. Только не очень жадно. Они уже сейчас не такие шустрые, как летом.

Скоро прудик замёрзнет. Рыбки на дно опустятся, а весной, как лёд растает, появятся. Не сразу, конечно, а когда вода чуть нагреется. Только, чтоб они зимой подо льдом не задохнулись, я пробью прорубь и вставлю в неё сноп соломы. Через него воздух будет проходить. Значит, с рыбами всё в порядке.

Пошёл искать под корнями ёлок и сосен, где ёжик на зиму

закопался. Не нашёл, да и не хочется листья ворошить. Напугаешь его только. Он ведь на всю зиму спать завалился. Смешной ёжик! Собаки его летом обнаружили, подняли страшный лай, а схватить не могут. Он клубком свернулся, фыркает да подпрыгивает, чтобы собак в нос уколоть. Я его два раза осторожно тряпочкой брал и в овраг относил. А он всё равно приходит. Собаки так привыкли, что перестали на него обращать внимание. Он даже в собачью миску залезает и лапшу ест. Чавкает в своё удовольствие.

Среди лета два маленьких ежонка появились. Круглые колючие шарики. Тоже где-нибудь сейчас спать залегли.

Пока по саду бродил да пока записывал, что в окне да в саду видел, совсем стемнело. В оконном стекле, как в чёрном зеркале, отражается моя лампа. Будто она над садом прямо в небе висит.

Ну, да мне сейчас никуда, кроме бумаги, смотреть и не надо. Буду дальше писать про разных животных, с которыми встречался, или про тех, с которыми другие встречались и мне про них рассказывали.

Только имей в виду, что всё, о чём я расскажу, не выдумка, а чистая правда. Мне кажется, что тебе это будет интересно.

Сам подумай: про филина, который с лесником подружился, интересно?

Интересно.

А про обезьянку, которую наши солдаты в развалинах дома нашли, интересно?

Интересно.

А как внутри стены кто-то очень жалобно пищал и кто это оказался, интересно?

Интересно.

А попугай в парижское небо улетел?

Значит, буду писать и про филина, и про обезьянку, и про попугая, и про кошек, и про разных других животных.

ЛЕШИЙ

Жили-были дед да баба...

Так часто начинаются сказки. Только эти дед да баба были совсем не сказочные, а обыкновенные. И жили не у синего моря, а в деревянной избушке в лесу, потому что дед был лесник.

Жили дружно, хорошо, тихо. Была у них, конечно, собака-лайка по кличке Вилюйка, был кот. Его почему-то Федотом звали. Был пчельник, десять ульев в огороде. Был петух и две курицы.

Детей не было, и внуков тоже. То есть были, конечно, но жили в разных городах. Дочь — инженер в Вологде, сын — врач в Днепропетровске, а внук — студент медицинского института в Ленинграде. Летом они все поврозь в гости приезжают на неделю, на две.

Одним словом, всё было у лесничего хорошо. Желать вроде нечего.

Одно только плохо: повадился по ночам филин прилетать. Сядет на трубу и страшным голосом утукает, а то возьмёт и залает по-собачьи. Жена пугается. Ночь тёмная, лес шумит, и без того страшновато, а тут прямо над головой кто-то как закричит: «Угу! Угу! Угу!..» Да ещё заунывно как-то!..

Терпела она, терпела, а потом и говорит:

— Дед! Застрели ты этого лешего! Чего он смерть накликает.

Леснику жалко убивать филина. Он в лесу ко всем зверям и птицам привык. И к лосям, и к кабанам, и к белкам. Все они ему вроде родственники, тем более, что вокруг людей-то нет. Ближайший посёлок за десять километров.

Как убить филина? Птица эта редкая. На весь лесной участок, может, один только и есть.

А жена всё просит:

— Убей да убей! Жить он мне не даёт!

Ну что ты будешь делать! Жену больше жалко, чем филина.

Зарядил лесник двустволку крупной дробью. Дождался ночи. И как филин начал на трубе угукать, вышел во двор, прицелился и сразу из двух стволов выстрелил. Залпом.

И произошло тут что-то совсем неожиданное. Вся труба как была—сквозь крышу в избу провалилась. С грохотом.

Вбежал лесник в избу, видит—гора кирпичей на печке навалена, в крыше дыра в небо—даже звёзды видно, жена в угол прижалась, а напротив неё, в другом углу, филин сидит. Живой. Глаза жёлтые. Уши, как рога, торчат. Ну, леший и леший. Оправились все от испуга. Ви-

люйка из-под лавки вылезла. Кот откуда-то появился. Жена отдышалась.

Слава богу, хоть лето, а не зима. А то сквозь дыру снег навалился бы да мороз заполз.

Разгребли кирпичи. В печке и суп и каша не повредились, а трубу надо заново класть. Дед сам сложит. Он и плотничать, и печи класть умеет.

А что с филином делать? Не убивать же его второй раз! Раз живой остался, значит, судьба у него такая. Выпустить надо. Пускай летит!

Стали филина из избы выгонять, а он лететь не может. Одно крыло у него не работает. То ли дробью ранено, то ли кирпичом зашибло.

И остался филин в избе жить. Мало что остался, а ещё и привык к людям. Кусочки мяса или рыбы прямо из рук хватает.

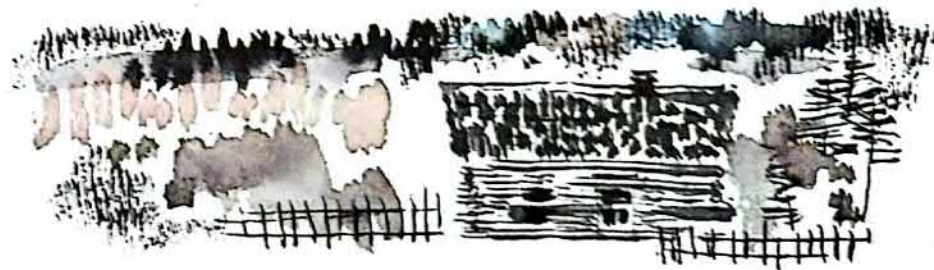
Кот на него долго шипел и удирал под лавку. Виллюйка до хрипоты лаяла. Да и они привыкли.

А вечером сядут лесник с женой ужинать, а филин у него на плече сидит. Ждёт, когда ему что-нибудь перепадёт.

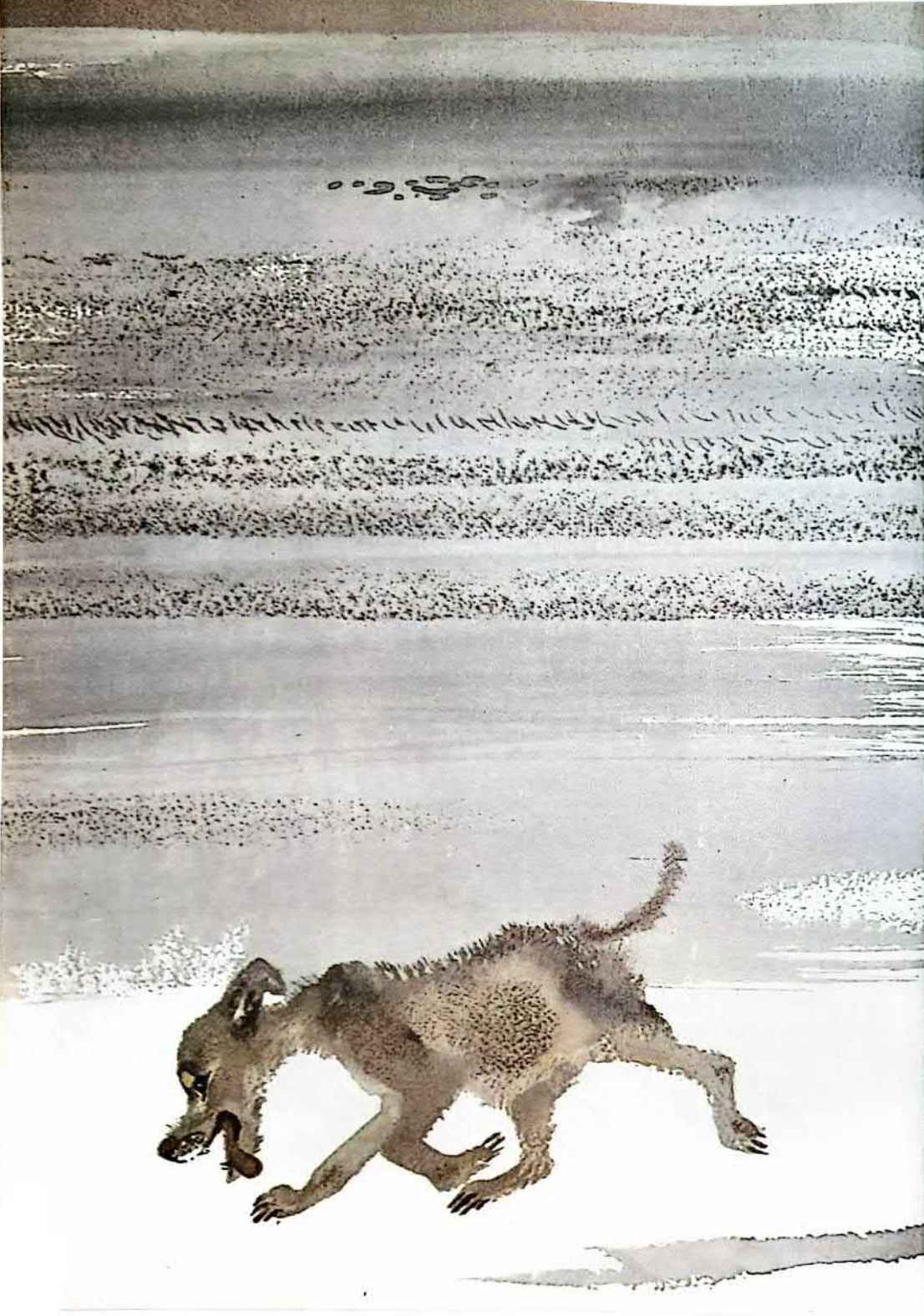
И удивляется лесник: «Как же это я хотел такую хорошую птицу убить?!»

И зовут филина по-прежнему Леший. Ласково зовут—Лешуня.

Войдёшь в избу—увидишь всю семью вместе. Ну, прямо сказка и сказка! А никакой сказки нет. Просто дружба.

МУХА

По самой середине улицы бежала маленькая собачонка. Очень быстро, со всех ног. То ли испугалась чего-то, то ли потеряла хозяина. Чуть под мотоцикл не попала и понеслась дальше.

Тут из переулочка вылетел грузовик и погнался за собачонкой. Он, конечно, не погнался, а так получилось, будто гонится. Вот-вот задавит.

Тогда моя жена кинулась наперерез автомобилю. Я ей кричу: «Ты куда?»

А она только рукой махнула.

Человека-то шофёр задавить боится, и грузовик крутанул вбок.

Всё бы хорошо, только и собачонка в ту же сторону кинулась, и прямо под колесо.

На тротуаре какая-то женщина закричала: «Ой-ой-ой!», а собака, оказывается, под самое колесо не попала, а только ударилась об него, завизжала и упала на асфальт.

Грузовик помчался дальше, а моя жена подбежала к собачонке и осторожно взяла её на руки. Та опять завизжала и даже хотела укусить. Это понятно, ей ведь больно было. Задняя лапка отвисла. Может, перелом...

Пришли мы с этой собачонкой домой. Она дрожит мелкой дрожью и повизгивает. А на вид симпатичная. Серо-жёлтенькая. Как у маленького оленёнка, шкурка. Ушки круглые, большие, коричневые. И нос коричневый, и коготки. А над глазами вместо бровей два коричневых пятнышка. И всё время движутся. То вверх, то вниз. Очень умная мордочка!

Положили мы её в уголок на тряпочку и стали звонить в «скорую помощь». Только не в ту, которая к больным людям приезжает, а в ту, которая к больным животным.

На том автомобиле «скорой помощи», что для людей, нарисован красный крест, а на том, что для животных — синий.

Через полчаса приехал ветеринар. Так называется доктор, который лечит животных: лошадей, коров, собак, кошек, даже канареек. А в зоопарке ветеринары и слонов, и обезьян, и бегемотов лечат. Так же, как и людям, дают лекарства, измеряют температуру, а если надо, так делают и операции.

Осмотрел ветеринар нашу собачонку. Измерил температуру. Тридцать девять градусов.

Для человека тридцать девять плохо, а для собаки не так уж много. Чуть повышено. Нормальная температура у собаки тридцать восемь и пять. Лапка, оказывается, не сломана, а только ушиблена. Но если трогать, то собачонка скулит. Больно, значит.

Дал ей ветеринар от боли лекарство. Такое же, как и человеку. Анальгин. Только вдвое меньше.

Мне ветеринар очень понравился. Весёлый, добрый и животных любит.

Прощаясь, он спросил:

— Не поможете ли вы достать для моих детей билеты на «Кота в сапогах». У меня их двое. Мальчик и девочка.

— Конечно, помогу.

А попросил ветеринар эти билеты, наверное, потому, что в той комнате, где лежала собачонка, прямо над ней на стене висел плакат.

На плакате огромный кот в шляпе с пером и в больших охотничьих сапогах. Сверху надпись: «Государственный Центральный Театр Кукол». И потом большими буквами: «Кот в сапогах».

Ушёл ветеринар.

Хотели мы собачонку покормить, а она не хочет: ни молока, ни супа, ни варёного мяса. Даже понюхать и то не захотела. Глядит на нас, шевелит своими коричневыми пятнышками бровей. И всё. И хвостиком не вильнула ни разу.

Четыре дня ничего не пила, не ела и не пробовала подняться со своей подстилки. Только глаза иногда откроет. Посмотрит, как я по комнате хожу, и опять спит.

А на пятый день сижу я за письменным столом, пишу и изредка на собачонку поглядываю. Спит. Потом взглянул, а она сидит ко мне спиной, нос кверху задрала и на плакат смотрит! Медленно ведёт носом слева направо и будто по буквам читает: «К-о-т в с-а-п-о-г-а-х»... Ничего не понимаю. Нет же на свете грамотных собак! Что это значит? Может, я сплю и во сне всё это вижу?

Пригляделся повнимательнее. Вот в чём дело, оказывается! Это муха по плакату ползёт, а собачонка за ней следит!

Следила, следила — и вдруг, как подпрыгнет, чтобы муху схватить! Та, конечно, улетела, а собачонка повернулась ко мне и хвостом виляет!..

Выздоровела, значит.

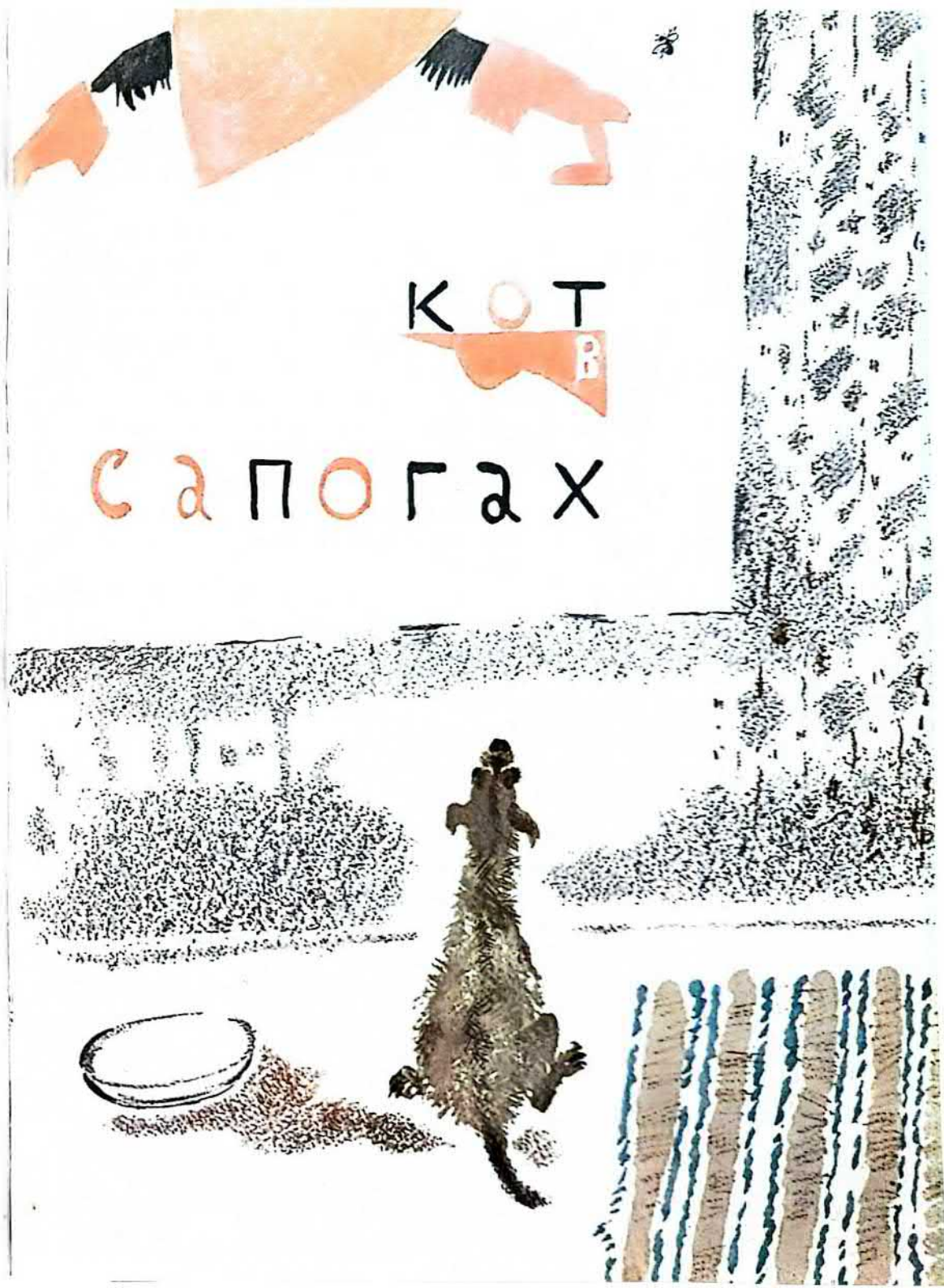
Накормили мы её. Супа дали и полкотлетки. Ей много не надо. Она маленькая.

Стали думать: как её назвать? Это во-первых, и что нам с ней делать? — Это во-вторых.

Имя придумали быстро: «Муха»! А вот как с ней дальше быть — не знаем. У нас тогда уже была собака, а куда же в квартире двух собак держать? Трудно.

Вспомнили, что одни наши знакомые очень хотели завести маленькую собачку. Тут же им позвонили, и они на следующий день приехали.

Муха уже бегала по квартире.

Очень она им понравилась. Они посадили её в хозяйственную сумку и ушли.

Нам, конечно, было немножко жалко расставаться с Мухой. Всё-таки привыкли уже к ней, но что ж поделаешь! А Мухе там будет хорошо. Животных её новые хозяева любят и давно мечтали о маленькой собачонке.

Жаль только, что живут они далеко. Нельзя будет с Мухой встречаться.

Прошёл год. И вдруг звонят эти знакомые по телефону и говорят:

— Мы хотим приехать к вам с Мухой. Можно?

— Конечно, конечно! Когда приедете?

— Часов в семь.

— Очень хорошо! Будем ждать.

Ждём. В половине восьмого звонок. Открываем дверь. Стоят наши знакомые и держат на поводке большую серо-жёлтую собаку.

— Кто это у вас?

— Муха.

— Как Муха? Не может быть!

— Как видите, может.

— Так ведь вы же мечтали о маленькой?

— Мечтали. Муха и была маленькой, а потом взяла и выросла.

— Как же теперь быть? Вы её хотите нам вернуть?

— Да что вы! Мы к ней привыкли! Знаете, какая она умная! Какая послушная! Муха, смотри— вот кто тебя от смерти-то спас!

Муха смотрит, виляет хвостом, и коричневые брови, как у маленькой Мухи, то вверх, то вниз двигаются.

— Вот так Муха! Какая же она муха? Она настоящая собака! Красивая, большая собака. Как же вы её теперь зовёте?

— А так и зовём, как раньше!.. И мы привыкли, и она привыкла! Муха и Муха!

ЧУЖОЙ ЯЗЫК

Шёл последний год войны.

Почти каждый день в городах и сёлах нашей страны, на всех улицах, на всех площадях, во всех домах и квартирах, раздавался голос: «Внимание! Внимание! Говорит Москва! Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза. Передаём приказ Верховного Главнокомандующего...» И дальше голос говорил о том, на каком фронте, какие войска, под командованием какого маршала освободили от фашистов ещё и ещё один город.

А вечером того же дня все москвичи выходили на улицы, чтобы слушать залпы сотен орудий в честь одержанной победы и смотреть, как после каждого залпа во всех концах Москвы взлетают в небо огни фейерверка. Золотые, красные, зелёные. Разрываются на мелкие кусочки и разноцветными звёздами медленно опускаются и гаснут над самыми крышами домов.

И вот в один из таких счастливых вечеров, как раз после нашего возвращения с улицы Горького, раздался телефонный звонок и незнакомый голос сказал:

— Простите, что беспокою, но я знаю, что вы любите животных. Не возьмёте ли вы у меня обезьянку? А то её очень дети боятся.

— Какую обезьянку?

— Немецкую. Её из Дрездена привезли, а какой породы — я не знаю. Возьмите, может, потом отдадите кому-нибудь. Мне отдать некому. Да вы хоть приходите посмотреть! Хорошая обезьяна!..

— А когда можно приехать?

— Да хоть завтра к вечеру.

— Ну, хорошо, приеду. Давайте адрес.

Назавтра мы с женой отправились смотреть обезьяну.

Добирались долго.

Сейчас я уже точного адреса не помню, но было это где-то за Сокольниками. Теперь там большие многоэтажные дома выстроены, а тогда стояли маленькие деревянные. Как в старой деревне.

Нашли мы улицу. Нашли дом. Хозяин нас встретил.

Темно. Керосиновая лампочка горит. Наверно, электричество перегорело. Вдоль стены, чуть не до потолка, дрова сложены. Значит, и центрального отопления нет.

Сейчас, когда я в этот район попадаю, даже и представить себе невозможно, что такие там дома были.

— Входите, входите! — ска-

зал хозяин. — Сейчас я вам её покажу.

— А где она?

— Да в этом столике сидит.

— В каком столике?

— В ночном. Вот он, у дивана стоит.

— Как же она там помещается? Маленькая, значит?

— Нет, не маленькая. Сейчас увидите.

И открыл дверцу столика. Оттуда выпрыгнула большая серо-зелёная обезьяна резус — так эта порода называется. Как она там помещалась, просто непонятно.

Вскочила на стол, со стола на дрова и быстро-быстро по поленьям на самый верх, под потолок.

Села, что-то очень злобно крикнула, оскалила большие жёлтые зубы и глядит на нас маленькими круглыми глазами. И мы на неё глядим.

А хозяин рассказывает, как она к нему попала.

Оказывается, эту обезьяну в Дрездене прямо в клетке нашли наши сапёры в развалинах разбитого американской бомбой дома. Девать обезьяну было некуда, и кто-то из командиров, ехавший в Москву, захватил с

собой резуса. Привёз. Жена, конечно, запротестовала, и он её отдал тому самому человеку, к которому мы пришли. А ему тоже держать её негде, вот он и позволил мне.

Но что с ней делать? С этой злой несчастной обезьяной? Жалко её. Не сама она свою жизнь покалечила. Люди.

Маленьким обезьянёнком поймали её, наверно, где-то в джунглях Индии.

Я там был, в Индии. Видел обезьян и в джунглях, и просто на крыше нашей маленькой гостиницы. Одна даже ко мне в окно залезла и стащила чайную ложечку.

И в развалинах старых храмов видел. Таких же вот резусов, только вольных, свободных.

А эту вместе с другими пойманными обезьяньими детёнышами вернее всего отвезли в Европу и продали в зоологический магазин. Я видел обезьян в зоомагазинах и в Париже, и в Лондоне, и в Берлине. А в зоомагазине купил детёныша резуса какой-то немец и посадил в клетку.

Сколько лет прожила эта обезьяна в клетке — не знаю. Наверно, постепенно привыкла к людям, понимала их по-своему.

А потом — война. Над Дрезденом выли сирены воздушной тревоги. Хозяева уходили в бомбоубежище, а обезьяна оставалась одна в квартире. Убежать не могла. Клетка крепкая.

И наступила такая ночь, когда всё вокруг грохотало, взрывалось, падало, горело. Ничего этого не видела обезьяна, только слышала всю ночь. Наверно, кричала от ужаса. А её никто не слышал.

И вдруг всё обрушилось — потолок, стены, провалился пол, завалило клетку балками, кирпичами, железом. И наступила тишина. На много дней.

Совсем темно, очень голодно. И очень хочется пить.

Потом долго раздавались тяжёлые удары, появился лучик света, и незнакомые люди, не похожие на её хозяев, громко говорили какие-то совсем незнакомые слова. Они вытащили клетку на улицу и дали испуганной, исхудавшей обезьяне кусок чёрного хлеба. Она никогда такого не ела, потому что в Германии не бывает чёрного хлеба.

И вот сейчас сидит она на дровах, смотрит на нас, таких же чужих для неё людей, слышит такие же незнакомые слова и боится, очень боится нас, потому и скалит зубы.

Моя жена поднялась с табуретки, протянула руку и сказала по-немецки: «Комм хэр, майн либхен!..» Это значит: «Иди сюда, моя милая».

И тогда произошло что-то удивительное.

Я до сих пор волнуюсь, когда вспоминаю об этом.

Обезьяна кубарем слетела с дров, вскочила на стол, схватила своими маленькими чёрными ручками руку моей жены и трясла её и всё время урчала, причмокивая губами.

Она узнала язык. Тот язык, с которым она выросла. Наш-то был для неё чужой, совсем чужой.

Непонятный, а потому страшный. Значит, обезьяны, да и собаки тоже, понимают не только, какой у человека голос — ласковый или злой, — а и слова, язык понимают.

Когда мы уходили, обезьяна бежала до двери, держа мою жену за юбку.

Мы не могли взять её себе. Не могли. Нельзя же опять посадить её в клетку. Ей будет плохо.

И решили мы с хозяином, что надо эту обезьяну подарить зоопарку. В зоопарке ей будет

лучше. Там большие помещения для обезьян, и там тоже есть резусы. Пусть, наконец, с ними встретится.

Ведь она своих сородичей много лет не видела. С того самого дня, как в Индии накрыли её сеткой, схватили и запихнули в мешок.

Через год мы пошли в зоопарк. Дошли до вольеры — так очень большие клетки называются — и увидели резусов. И взрослых, и малышей. Они бегали, качались на качелях. Дурачились, хватали друг друга за хвосты, и все друг на друга похожи. Как тут найдёшь нашего?

Жена крикнула: «Комм хэр, майн либхен!» Но ни одна обезьяна даже головы не повернула в нашу сторону.

Подошла служащая зоопарка в халате и, смеясь, спросила:

— Что это вы с нашими обезьянами по-иностранному разговариваете?

Мы ей всё рассказали, а она и говорит:

— Есть у нас такой. В прошлом году в ящике при-

несли. Мы его Карлушей зовём. Он хороший, ласковый. Карлуша, Карлуша, иди сюда, миленький!

И тут одна обезьяна кинулась прямо к решётке и за руку поздоровалась с нашей новой знакомой. Жена вытащила из сумочки банан и спросила:

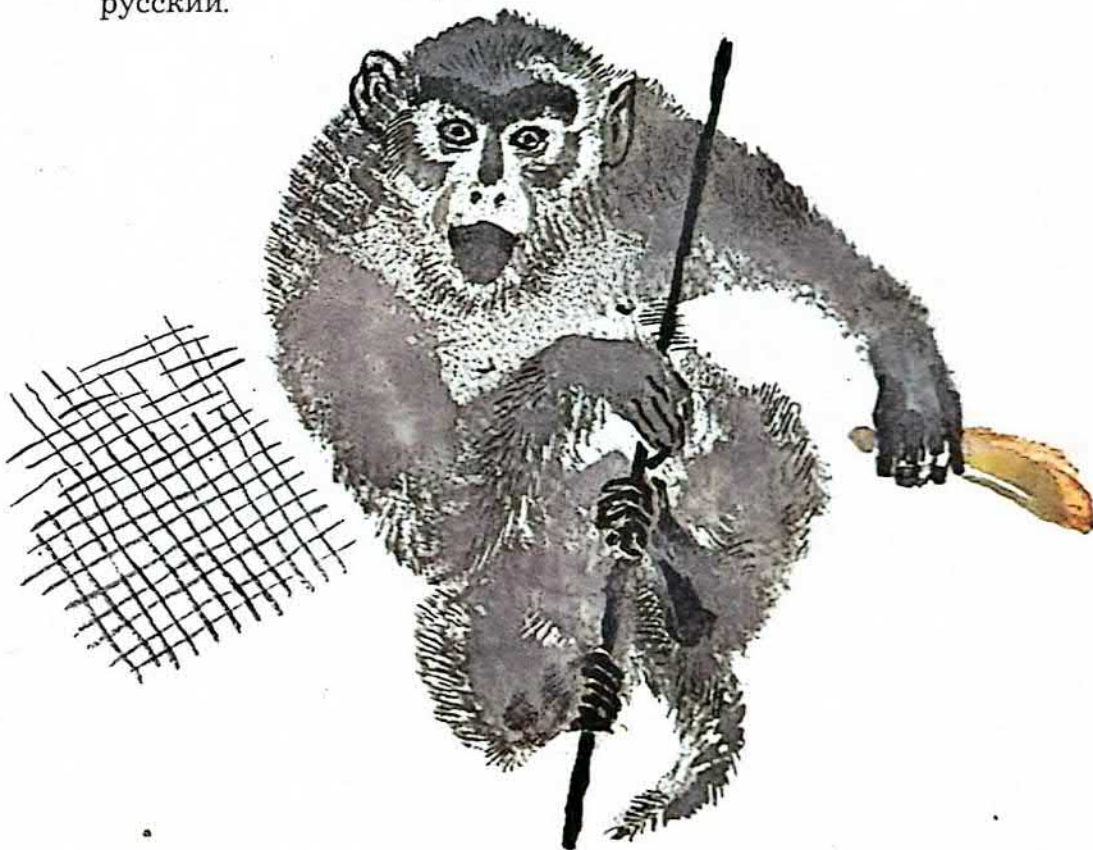
— Можно ему дать?

Женщина улыбнулась:

— У нас вообще-то не полагается, чтобы посетители зверей кормили, но раз такое дело — давайте!..

Карлуша удивительно по-человечески быстро очистил шкурку, засунул банан целиком в рот и вприпрыжку понёсся к своим обезьянам-товарищам.

Значит, теперь у Карлуши два языка. Один родной, обезьяний, а другой человеческий, тоже свой, но уже русский.

СТЕКЛЯННЫЙ ПРУД

Не помню, в каком году это было, но удивительная в тот год выдалась осень. Конец ноября, а снега нет. Ночью крепко подмораживает, а днём — лето. В такую погоду долго за письменным столом не усидишь.

Пошёл тропинкой по лесу. Опавшие листья под ногами, как бумага, шуршат. Вышел к пруду — и увидел прямо-таки чудо.

Солнце золотое, небо синее, трава на берегу зелёная, а пруд стеклянный. Лёд. Будто среди зелени большое неподвижное зеркало лежит.

Когда я летом к этому пруду купаться ходил, то всегда плоские камешки вдоль воды бросал. Бросишь камень — он летит над водой, потом об воду ударится, подскочит, ещё немного пролетит, опять ударится и опять подскочит, ещё пролетит и ещё подскочит, и так раз пять-шесть, а то и больше. Потом прямо по воде скользнёт и утонет.

А сейчас воды нет. Один лёд. Интересно, будет сейчас камешек прыгать или нет?

Я выбрал самый плоский и со всей силой бросил вдоль льда. Он пролетел чуть не до середины пруда, ударился со звоном об лёд, высоко подскочил, полетел

дальше и снова — длинь и снова подскочил и опять — длинь, а потом раз десять подряд: длинь, длинь, длинь... — и покатился через весь пруд до другого берега.

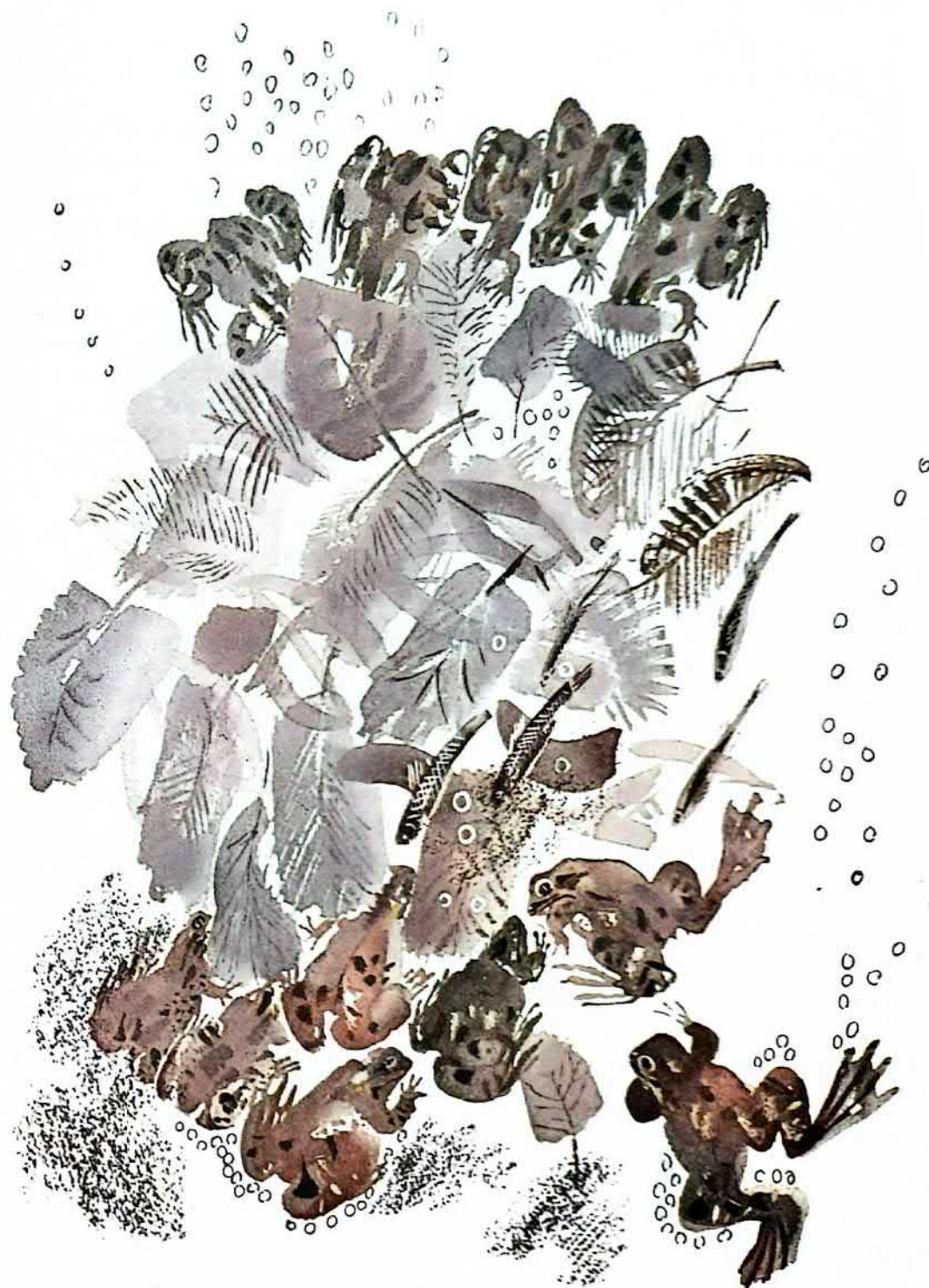
Ну, я, конечно, стал камешек за камешком бросать, и они звенели гулким стеклянным звоном, будто я на каком-то музыкальном инструменте играю.

Наигрался я так вдосталь, а потом решил посмотреть: видно сквозь лёд что-нибудь или нет? Оказывается, видно, да ещё очень интересно!

Я про это и раньше знал, только видеть-то ни разу не видел. А тут гляжу и сквозь лёд вижу, как на самом дне приготовились зимовать лягушки.

Так же, как и рыбы, лягушки хладнокровные. У них кровь всегда той же температуры, что и воздух или вода, в которой они находятся. И какая бы холодная вода ни была — им всё равно.

На зиму они укладываются на дно речки или пруда. Кровь у них становится всё холоднее и холоднее, сердце бьётся всё реже и реже. Еды им уже никакой не нужно. И дышать тоже не нужно. В воде всегда есть тот

самый кислород, что и в воздухе. И попадает он в их кровь через кожу. Много-то ведь кислорода им и не надо. Раз они прямо как неживые.

Две группки лягушек, которых я сквозь лёд увидел на самом дне, забрались под гнилые листья, прижались друг к другу и лежат почти не шевелясь. Аккуратно лежат, будто их кто-то укладывал. И ещё не совсем замёрзли: то одна лягушка лапой пошевелит, то другая переползёт немножечко.

Вдруг слышу: «Га, га, га, га». Это гуси кричат попеременно. Спускаются с горки по зелёной траве. Цепочкой идут. Два больших толстых — впереди, а штук шесть потоньше — сзади. Наверное, мать с отцом и взрослые дети.

К пруду идут. Подошли. Два больших на лёд ступили, остановились и замолчали. Дети тоже остановились и тоже замолчали. Большой гусь стукнул клювом по льду, и тогда все опять загоготали и заспешили на лёд. Шлёпают лапами по стеклянному льду — вероятно, никак не могут понять, почему воды нет.

Разбродились по пруду. Большой гусь остановился прямо над тем местом, где на дне лягушки скопились, и стал клювом по льду стучать. В первый раз, наверное, в его жизни такое. Столько лягушек сразу видит, и ни одну схватить не может.

Ушли гуси такой же белой цепочкой. Поднялись по зелёному косогору, всё время о чём-то разговаривая: «Га, га, га, га, га, га!»

А я остался сидеть на пеньке. Уж очень было хорошо! Солнце чуть пригревало плечи, а небо и весь воздух были такие прозрачные, будто тоже стеклянные.

Как пруд.

В ЧУЖОМ НЕБЕ

Через весь Париж течёт река Сена. Посреди города она раздваивается, обтекает островок, который называется Ситэ, и снова сливается в одну реку.

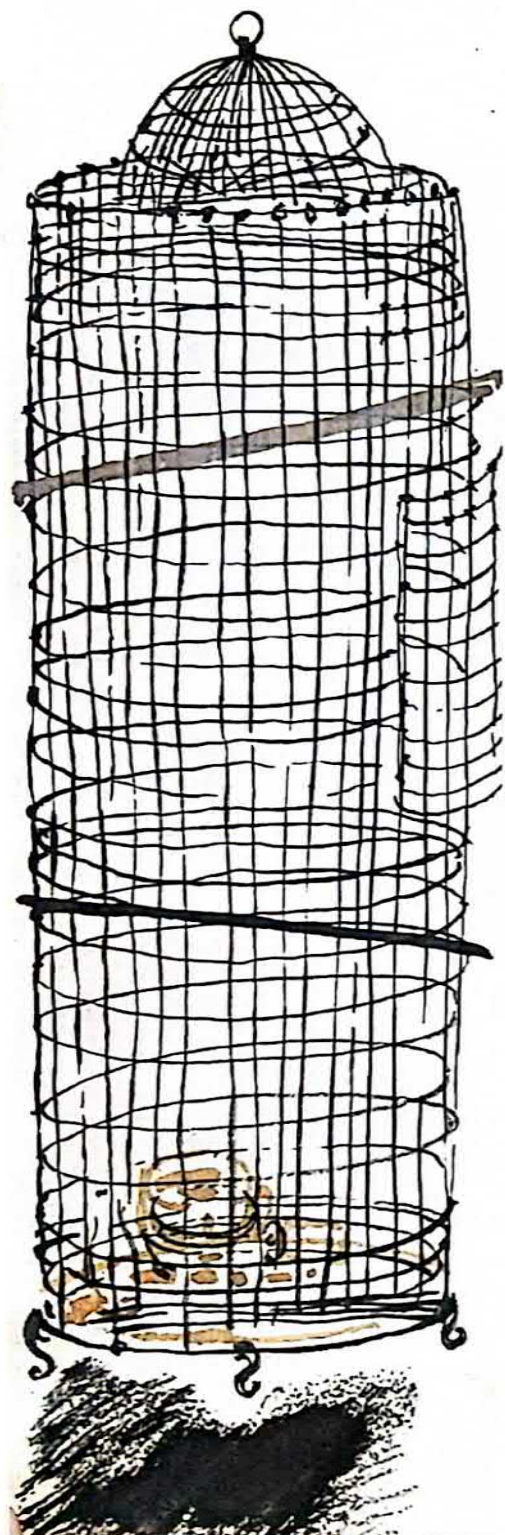
Как почти у всякой реки, текущей по городу, вдоль набережных идут парапеты — каменные загородки, чтобы люди не сваливались в воду. В Париже вдоль этих парапетов прикреплены деревянные ящички. Ночью они закрыты, а утром, если нет дождя, приходят хозяева этих ящичков, отпирают их и устраивают маленькие магазинчики. Раскладывают на парапетах и на земле старые книги, журналы, гравюры, плакаты, географические карты. Многим гравюрам и журналам и пятьдесят, и восемьдесят, и даже сто лет. Очень интересно всё это рассматривать.

Я купил там старые афиши кукольных театров и раскрашенную гравюру, на которой изображено, как впервые в мире во французское небо поднялся воздушный шар, который изобрели братья Монгольфье.

Он наполнялся горячим воздухом, а в подвешенной к шару корзине был человек.

На той же набережной Сены против острова Ситэ находятся маленькие магазинчики, где продаются щенята, котята, обезьяны, попугаи, кролики, куры, голуби, морские свинки.

Я часто приходил в эти магазинчики. Покупать ничего не покупал, а только смотрел. Особенно мне понравился огромный синий попугай ара. Давно мечтал о таком попугае. Он почему-то сидел на клетке, смешно рассматривал лапу и что-то про себя тихо и серьёзно приговаривал.

Потом я узнал, что хозяин магазина забыл закрыть дверцу клетки, а тогда мне подумалось, что так и полагается, просто он ручной попугай.

Только я хотел спросить, сколько стоит этот попугай, как ара распахнул свои огромные крылья, пролетел над моей головой прямо в открытые широкие двери и — вверх-вверх в солнечное небо. Я выскочил на улицу. В небе летела огромная синяя птица.

В моих руках была свёрнутая в трубку гравюра воздушного шара братьев Монгольфье, и, вероятно поэтому, я подумал, что вот так же, как когда-то впервые во французском небе летел человек, так сейчас в этом же небе впервые летит ара.

Первый полёт человека был чудом. Сейчас никакого чуда не было. Летит птица. Что же в

этом особенного? И в то же время это было невероятно. Над крышами Парижа — бразильский попугай. Он, наверное, счастлив сейчас. Наконец-то не клетка! Наконец-то небо! Наконец-то летит!

Я читал, что у себя на родине ара живут парами и подругу себе выбирают на всю жизнь.

Может быть, и сейчас летящий над Парижем попугай думает, что вот-вот встретит таких же синих птиц и найдёт свою подругу, с которой его разлучили много лет назад.

Только не знал он, что это не его небо, а чужое; что не сможет он опуститься на пальму и взломать своим клювом кокосовый орех; что и бананы не растут под парижским небом.

Не знал, что не встретит он в этом небе ни одного попугая и что есть ему на парижских деревьях будет нечего.

Чужое небо. Только тем и лучше клетки, что оно широкое. А жить ему под этим небом нельзя.

Из магазина выбежал продавец в белом халате и в испуге спросил:

— Он перелетел через реку?

Я сказал: «Перелетел». Продавец кинулся звонить по телефону в полицию и громко кричал:

— Улетел попугай! Синий! Да, синий! Большой! Очень большой! Ара!

Я спросил:

— При чём тут полиция?

Он ответил:

— Они найдут и поймают. Вот увидите.

Продавец оказался прав. На следующий день ара сидел в своей клетке. Так же внимательно рассматривал толстые пальцы на своей лапе и что-то ворчал на своём попугайном языке.

Я прислушался. Оказывается, это был не попугай-

ный, а английский язык. Он говорил: «Оллл рррайт. Оллл рррайт». Это значит — хорррошо. Хорррошо. Он выучил это, не зная смысла. Ему было совсем не хорошо. Ему опять было плохо.

А нашли его ночью в густой зелени платана на острове Ситэ. Накрыли большой тряпкой, чтобы не укусил.

Я глядел на пойманного беглеца и думал, что не буду спрашивать, сколько он стоит. Я не хочу покупать попугая и держать его в тесной клетке, в которой он даже крылья расправить не может. Это нехорошо. Очень нехорошо. Он должен летать. И не в чужом небе, а в своём, бразильском.

«КС-КС, ПЮС-ПЮС»

В вагонах лондонского метро много всяких реклам и плакатов. Едешь и от нечего делать читаешь: «Электрическая зубная щётка», «Аквариумные рыбы», «Порошок для стирки», «Футбольные мячи».

И вдруг глаза наткнулись на большую жёлтую кошачью морду. Сверху надпись: «Выставка кошек». Снизу адрес.

Ну как не пойти на такую выставку?

На выставке цветов я бывал и в Москве, и в Париже, и в Амстердаме.

На выставке собак тоже бывал — и в нашей стране, и в других странах, и на выставке голубей, и на выставке певчих птиц, а вот на выставке кошек не был ни разу. Даже не знал, что такие выставки бывают. На следующий день побежал.

Конечно, я думал, что это интересно, но уж никак не мог себе представить, что увижу сразу шестьсот кошек. Да ещё каких! Английские, абиссинские, бирманские, египетские, гаванские, гималайские, сиамские, турецкие — всех не перечислишь.

Одна другой удивительнее. Я таких отроду не видел.

Чёрные, как уголь, с глазами жёлтыми, как фонари.

Белые, как снег, с глазами голубыми, как небо.

Рыжие, как огонь.

Белые с рыжими пятнами.

Рыжие с белыми пятнами.

Серые, как дым.

Серые, полосатые, как тигр.

Серые в пятнышках, как у леопарда.

Серые с коричневыми разводами, как черепаховый панцирь.

Апельсиновые.

Персиковые.

Кремовые, как фруктовое мороженое.

Серо-голубые, как утренний туман.

Такие пушистые, что это уже даже не кошка, а просто очень большой пуховый шар с золотыми глазами.

А рядом гладкие-гладкие, будто их кто-то облизал.

У одних кошек хвосты пушистые, как у лисицы, у других — длинные и тонкие, у третьих — закорючкой, а есть и совсем бесхвостые.

Да и уши разные.

Есть кошки, у которых уши короткие, а шерсти так много, что ушей совсем не видно.

У сиамских кошек уши

высокие, как у немецкой овчарки, а у шотландских кошек уши маленькие, висячие, будто приплюснутые.

Почти около каждой клетки стоит хозяин или хозяйка, счастливые и гордые, что на их кошек удивляются. Любуются. Больше всего любопытных около клеток с котятами.

Кошка-мать важно развалилась, белоснежная, желтоглазая, пушистая, толстая, а её дети, такие же белоснежные, желтоглазые пуховые шары, играют, опрокидывая друг друга, или подкрадываются к маминому хвосту и потом прыгают на него, будто поймали мышь.

Котята продаются, но цены такие большие, что не подступись.

Разговорился с женщиной, продававшей котят, и она, поняв по моему произношению, что я не англичанин, спросила:

— Вы откуда?

Я сказал:

— Из Москвы.

— Вы русский?

— Русский.

Моя новая знакомая засмеялась и спросила:

— А русскую кошку видели?

— Нет. А где она?
— Здесь где-то. Вы в каталоге посмотрите.
— Да нет у меня каталога. Все распроданы... В каком она хотя бы ряду и какая с виду?
— Не знаю. Знаю только, что есть русская кошка.
Я сказал:
— Сенк ю! (спасибо).
Она сказала:
— Гуд лак! (желаю счастья).
Я сказал:
— Гуд бай! (до свидания)—и отправился искать русскую кошку.

Только как её найти? Единственную русскую среди шестисот нерусских? Просто невозможно.

И вдруг догадался. Оказывается, можно всё-таки найти.

Ведь мы, русские, когда зовём кошку, говорим «кс, кс, кс», а англичане, когда хотят позвать кошку, говорят «пюс, пюс, пюс».

Вот я и пошёл по всем рядам. Останавливался перед каждой клеткой и говорил «кс, кс, кс, кс...»

И ни одна кошка даже ухом не пошевелинула. Смотрит на меня, как на пустое место, и всё. Или спит, не просыпаясь.

Прошёл я так рядов десять, если не больше, и всё без толку. Думаю, наверно, кошка эта только по происхождению русская. Может, её маленьким котёнком в Англию привезли и она давно уже англичанка. Давно русское «кс, кс» забыла.

И как раз тогда, когда я так подумал, одна, сидевшая в углу клетки, кошка сразу вскочила на все четыре лапы, насторожила уши, подошла к решётке и уставилась на меня своими зелёными глазами.

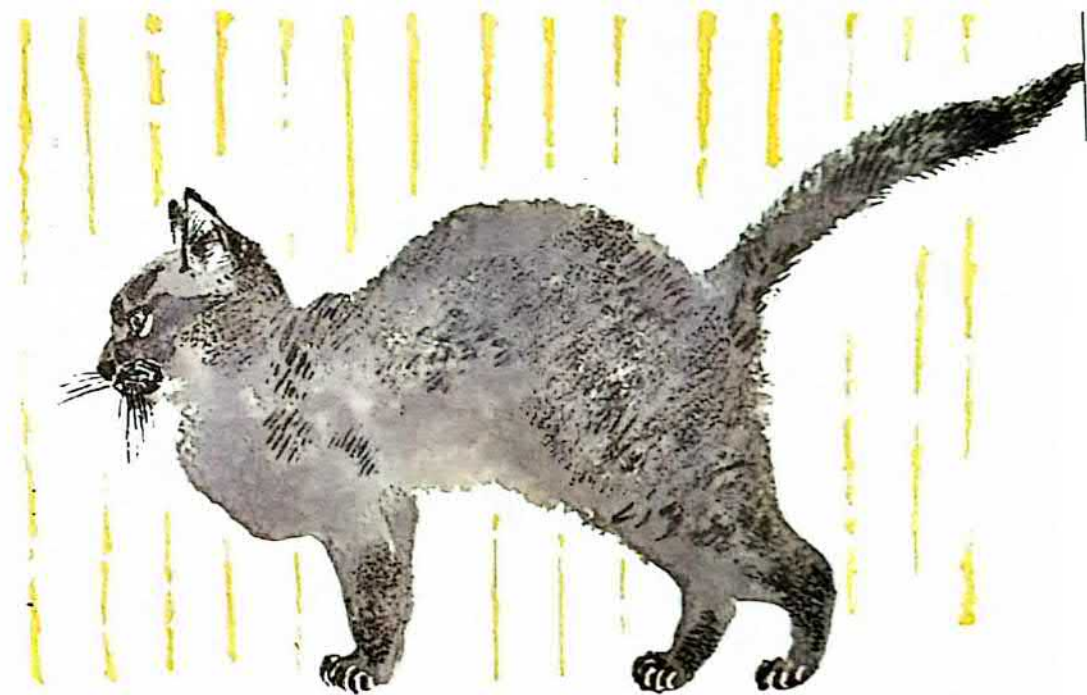
Это была обыкновенная кошка мышиного цвета. Гладкая, большая.

Я просунул сквозь решётку палец, и она стала тереться об него сперва мокрым носом, потом ушами, потом затылком и мурлыкала, мурлыкала на своём международном кошачьем языке. Так все кошки мурлычат. Но мне было очень приятно с ней встретиться.

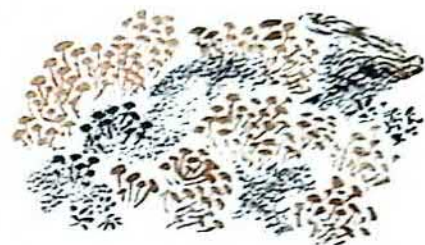
За границей скучаешь по своей стране, по Москве, по русским людям.

А тут хоть кошка и не человек, а всё-таки вроде как родственница.

И я её нашёл, и она меня признала. И оба мы—русские!

СПАСЁНКА

Давно это было. Лет, наверное, двадцать назад. А может, и больше. В свой отпуск поехал я в Дом отдыха. Находился он под Москвой. Совсем недалеко. На автобусе можно доехать.

Показали мне мою комнату. Принесли на стол вазу с астрами и отвели в столовую. Сказали: вот ваш стол номер четырнадцать у окна. Садитесь, попейте чайку с яблочным пирогом. Отдыхайте на здоровье. Очень, в общем, любезно меня встретили.

Соседи по столу допивали свой чай. Симпатичные соседи. Лет им обоим было, наверное, по шестьдесят, а может, он чуть постарше. Оба седые, оба широколицые, оба голубоглазые. Оба, наверное, на пенсии, а какая у кого из них была профессия, догадаться трудно.

Познакомились. Я сказал своё имя, отчество. Они свои сказали. Пётр Сергеевич и Наталья Владимировна.

К обеду Пётр Сергеевич вышел в военной форме, и вся грудь в орденах. Два ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды и ещё медали.

Пётр Сергеевич увидел, что я ордена рассматриваю, и говорит:

— Это я в Москву еду на встречу с однополчанами. Оказывается, он полковник. Всю войну воевал и два раза ранен был.

— Кстати,—говорит,—я и нашу нечаянную радость увижу.

Я не понял:

— Какую нечаянную радость?

А он смеётся:

— Это вам жена расскажет.

Уехал Пётр Сергеевич, а мы пошли в лес собирать опята. Их много в ту осень было. Вот пока мы их собирали, Наталья Владимировна про эту нечаянную радость мне всё и рассказала.

— Понимаете,—говорит,—какое у нас с Петром Сергеевичем событие произошло. Вот уж не думали не гадали. Никогда мы с ним никакой живностью не интересовались. За сорок лет, что вместе живём, ни кошки у нас никогда не было, ни собаки, ни канарейки.

Даже на других людей удивлялись—чего это они с какой-то собачкой возятся? И гулять с ней надо ходить, и кормить, и ухаживать. Какая от этого радость?

А месяц назад слышали, что в комнате кто-то пищит. То ли мяукает, то ли повизгивает—непонятно, но очень жалостно. Стали искать. Всю комнату обшарили. Нет никого, а пищит.

Наконец нашли. Это в стене. В том месте, где под потолком решётка для вентиляции.

Подставили лестницу. Так и есть. Писк оттуда слышен. Только не у самой решётки, а из глубины. Из вентиляционного канала, по которому воздух проходит. Позвонили в домоуправление. Пришёл управдом. Не знает, что делать. Стену ломать нельзя.

— Подождите,—говорит,—может, то, что пищит, само уползёт куда-нибудь.

Перестало пищать. Значит, действительно уползло.

Вечером легли спать. Слышим—опять пищит.

Может, котёнок? Как он туда попал? Непонятно. Жалко его, голодный, наверное. Значит, он и день, и два, и три будет пищать, пока не умрёт с голоду. Разве можно равнодушно этот жалобный писк слушать? Надо что-то придумать. Накормить его как-нибудь.

Замолчал. Неужели помер?

Утром опять писк.

Пётр Сергеевич залез на лестницу и вынул решётку. Сварили сосиску, привязали её за верёвочку и опустили в дырку. Глубоко ушла. Еле-еле верёвочки хватило.

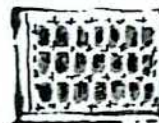
Стали ждать, что будет дальше.

Ничего что-то не происходит. Тишина. И писка нету.

Вдруг верёвочка дёрнулась, и ещё, и ещё. Смешно. Будто рыбу ловим.

Снова тишина. Вытащили верёвочку. Сосиски нет. Значит, кто-то неизвестный съел сосиску.

Это, конечно, хорошо, но что дальше делать? Ну, покормили, ну, завтра покормим, ну, послезавтра, а дальше что? Да ведь и поить надо, а в чём туда

молоко или воду опускать? Так или иначе, надо этого пискуна вытаскивать.

К вечеру нашли маленькую корзиночку. На самое дно привязали сосиску. Вместо верёвочки взяли толстый шнур, чтобы не оборвался, и опустили в дырку.

Шнур начал дёргаться, а потом перестал. Потянули. Тяжело, значит, оно, существо это, в корзиночке сидит. Только бы не оборвалась корзиночка! Только бы не оборвалась! Застряла, дальше не идёт.

Что делать?

Запустил Пётр Сергеевич в дырку руку и дотронулся до чего-то тёплого и мягкого. Оно.

Вытащил. Щенок. Чёрный, грязный, весь в каких-то опилках и паутине, а глаза голубые.

Молчит.

Вымыли тёплой водой с мылом. Оказывается, он белый.

Дали молока в блюдечке. Лакает, только неумело. Носом в молоко тычется и сопит.

Напился и пошёл по полу. Лапы разъезжаются, но идёт.

Рассказала мне всё это Наталья Владимировна, а я думаю:

«Как же это щенок мог в вентиляционный канал попасть?»

Решил, что, наверное, было так: оценилась какая-то несчастная брошенная собака на чердаке.

Дом, где жили Пётр Сергеевич с Натальей Владимировной, ещё дореволюционный, деревянный. Вентиляционные каналы тоже деревянные, выходят прямо на чердак.

Щенок ползал, ползал по чердаку, залез в вентиляцию, да и провалился.

Думаю, так и было.

Набрали мы с Натальей Владимировной опять, отда-

ли на кухню, а к ужину, когда мы с ней жареные грибы ели, вернулся из Москвы Пётр Сергеевич. Весёлый. Говорит, очень хорошо с однополчанами встретился. Поел с нами грибов и спрашивает меня:

— Ну, что, узнали про нечаянную радость?

— Узнал, очень интересно.

— Ещё бы не интересно! — говорит Пётр Сергеевич. — Никогда я не думал, что можно так к собаке привязаться. Мы её Спасённой назвали. Живём здесь, в Доме отдыха, а по ней скучаем. Она у соседей сейчас. Наверное, всякому человеку, даже и тому, кто на войне был, и смерть, и горе видел, очень нежность нужна. Военному человеку, может, особенно нужна.

Детей у нас с Натальей Владимировной нет. Собака, конечно, не ребёнок. Не сын, не дочь, а всё-таки ласковая, доверчивая. С ней даже разговаривать можно.

Так что я правильно вам сказал, что у нас с женой нечаянная радость.

«ЗАПОЛЯРНЫЕ» ЛАСТОЧКИ

Между берегом Крыма и берегом Кавказа есть Керченский пролив. Он соединяет очень маленькое Азовское море с очень большим Чёрным морем.

Через этот пролив ходят огромные самоходные паромы. Вроде больших пароходов.

Эти паромы перевозят с берега на берег не только людей, не только грузы, но и автомобили и даже железнодорожные поезда. В несколько рядов устанавливаются вагоны и едут с Кавказа в Крым или из Крыма на Кавказ.

Я был в Керчи и познакомился с капитаном парома, который назывался «Заполярный».

Не знаю, почему этому парома дали такое неподходящее имя. Если бы плавал он в Ледовитом океане, было бы понятно, а тут, на самом юге нашей страны, и вдруг — «Заполярный». Просто удивительно читать. Крупными буквами от носа до кормы написано.

Когда говорят про кого-нибудь «морской капитан», я всегда представляю себе серьёзного седого человека с усами. А капитан парома «Заполярный» оказался молодым, весёлым, безусым парнем, и рассказал он мне очень интересную историю про ласточек.

— На всяком морском судне, — говорит, — должна быть чистота. Это уж у нас такой закон. Всё должно быть чисто. Всё должно блестеть. И палуба, и потолки, и перила, и краны разные. Каждый день матросы чистят, скребут, моют все уголки нашего парома: по-нашему это называется — драить.

И вот, понимаете, что получилось: взялись ласточки лепить на пароме свои гнёзда. Во всех закоулках, как ни глянешь вверх, непременно увидишь гнездо, а то и два, и три, и больше.

Ну куда это годится? Разве это порядок? Это же государственный паром, а не деревенская изба. Ну, начали мы с этими гнёздами бороться. Сбивать их со стен и с потолков. Мы собьём, а, глядишь, на тех же местах ласточки уже новые построили.

Нехорошо как-то получается: они строят, мы разоряем, они строят, мы разоряем. Да и неприятно разорять. Ласточки в тревоге вокруг носятся, кричат, будто просят не губить их работу.

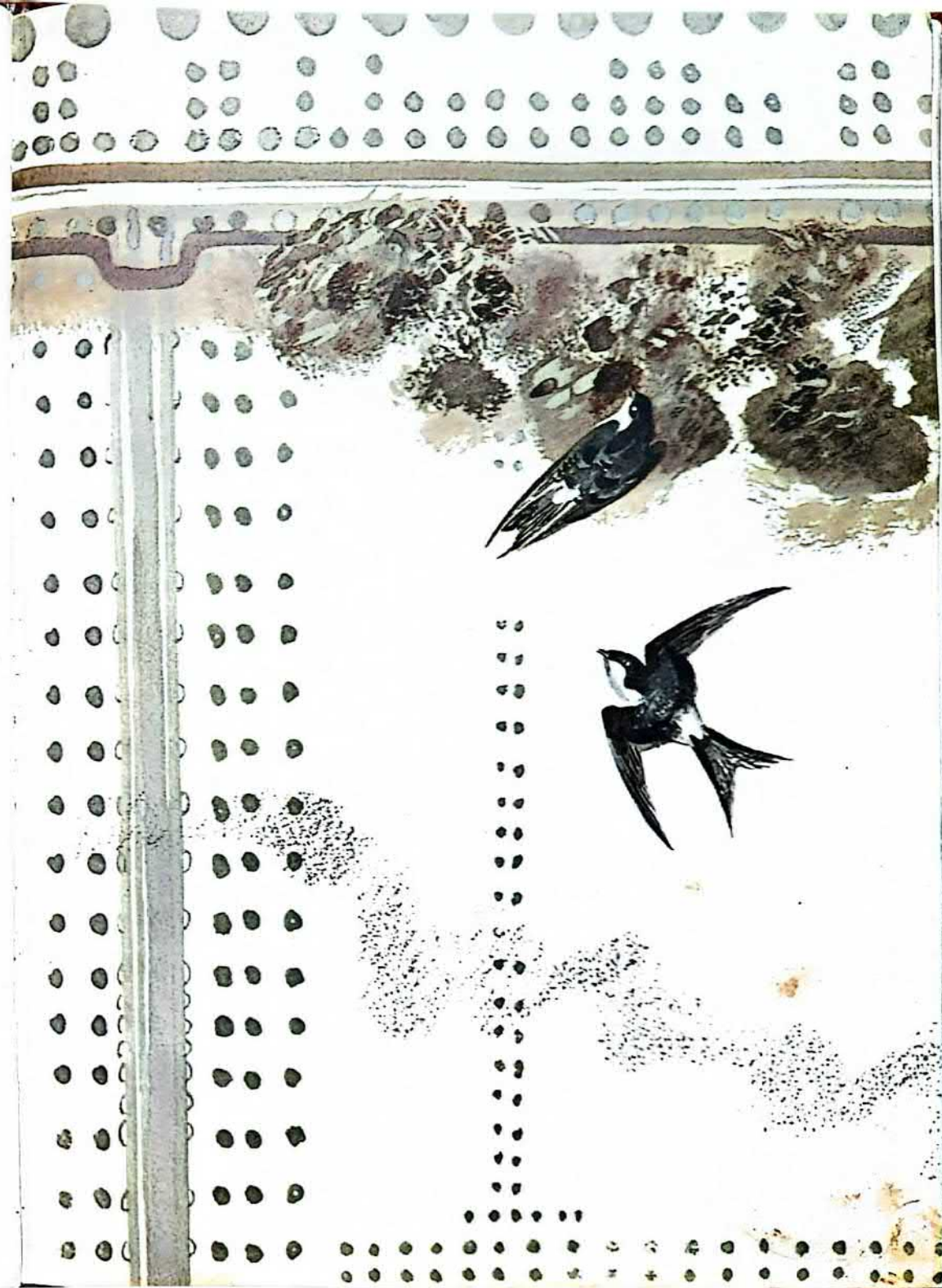
И вышло так, что в конце концов ласточки нас победили. Перестали мы их гнёзда разорять и вроде даже подружились с ними.

И знаете, что интересно: где бы наш паром ни находился — на Крымском ли берегу, на Кавказском или в открытом море, ласточки везде к нему дорогу находят. Не было так, чтобы хоть одна заблудилась.

Почему мы это знаем?

Да потому, что они своих птенцов кормят. Вон, смотрите, прилетела одна. Не знаю, папа это или мама прилетела. Видите? Сунула своему ребёнку в рот мошку — и сразу же в небо за новой мошкой. А вот и другая ласточка прилетела к своему птенцу. Видели?

Если бы родители заблудились и полетели к Кавказскому берегу или другой паром за свой посчитали, не сумели бы тогда они детей выкормить.

Значит, они точно свой паром отличают. Уж не знаю, по какому признаку. Не по названию же. Читать ведь не умеют.

Вон сколько гнёзд, и в каждом — птенцы, и все живы-здоровы. Скоро вылетать начнут. Вот тут уж мы следим.

Был у нас такой случай: паром как раз у этого же Крымского причала грузился. Выскочил один птенец из гнезда, да, наверное, раньше времени. Поторопился, значит. Чуть пролетел — да и шлёп в воду. Крыльями по воде хлопает. Вот-вот потонет. Жалко! Он ведь такой же житель «Заполярного», как и мы. Вроде член экипажа.

Вон тот матрос, что мимо нас прошёл, Николаем его зовут, скинул с себя одежду и прямо с борта за птенцом в воду! Вынырнул, отплевался и кричит: «Товарищ капитан, где он, утопленник-то этот?!» Я показал рукой. Николай подплыл, ухватил птенца и быстро по лесенке — на палубу.

Птенец весь насквозь мокрый, а живой.

Дали мы ему в каюте немножко подсушиться под лампочкой и назад в его же гнездо водворили.

Поблагодарил я капитана за такой рассказ, и мы распрощались.

Я сошёл на пристань, а паром дал гудки, закрутил, забурлил воду под кормой и двинулся на Кавказ.

В небе над паромом кружились быстрые птицы.

Так они и улетели, эти «заполярные» ласточки, вслед за своим плавучим домом, за своими друзьями — матросами и весёлым, молодым, безусым капитаном.

НИЧЕГО ОСОБЕННОГО

Наконец-то настоящая зима. Снежная, морозная.

Синицы по-прежнему вертятся у своей кормушки утром и в сумерки. А днём почему-то их нет. Может, так у них по расписанию полагается? Как в санаториях бывает: после обеда «тихий» час. Все отдыхающие спят.

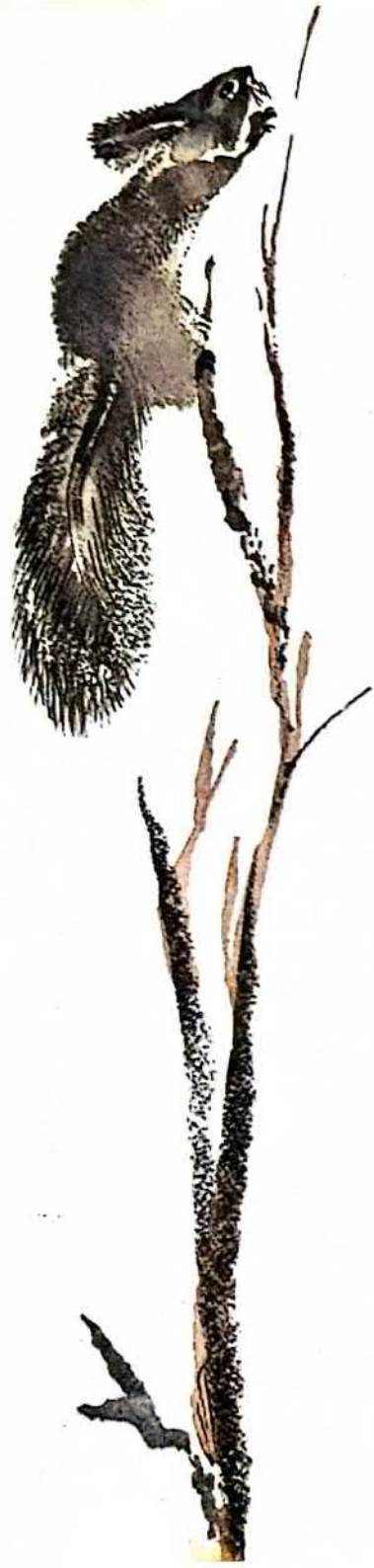
Сейчас утро.

В маленькой «авоське» я повесил синицам большой кусок несолёного сала. Они смешно прицепляются лапками, висят, раскачиваются и долбят замёрзшее сало. Вот и сейчас одна прицепилась, как акробат. Быстро, быстро подолбит клювом, проглотит кусочек и снова долбит. Другая прилетела. С другой стороны. Вниз головой висит и тоже взялась долбить. Раскачали «авоську», как маятник.

Надо пойти в лес. Посмотреть, что там делается. Только придётся валенки надевать. В башмаках холодно, да и идти по снегу трудно. Проваливаться будешь. А валенки тёплые и внизу широкие. Как у медведя лапы.

По дороге зашёл посмотреть, есть ли в беличьей кормушке еда. Стал подходить к кормушке, а из неё белка выскочила. Наверное, мои шаги услышала. По

стволу прямо вверх взбежала. На ветку уселась, на меня глядит, ругается: «Чок, чок, чок». Хвостом трясёт. Вся спинка серая, а на ушках кисточки. Большие. Как рожки. Только пушистые. Смешная. На чертёнка похожа.

Вышел за калитку.

В лес надо через овраг и поле идти. Солнце. Снег блестит. Он всю ночь шёл, а с утра небо чистое. Это хорошо. Когда свежий снег выпадет и ровным слоем ляжет, это называется пороша, потому что снег, как белый порошок, всё поле запорошил. По пороше очень хорошо рассматривать всякие следы.

Вот он—чей-то след. Похоже, будто кто-то в маленьких туфельках прыгал. Два узеньких отпечатка, как от подошвы, и сзади два кругленьких, как от каблучка.

Парочка туфелек, и опять парочка, и опять парочка. Это белка бежала. Скачками. Доскакали следы до ёлки и пропали. Значит, на ёлку забралась. Только где же она? Куда делась?

Вдалеке с дерева снег посыпался, и ветка закачалась.

Вот она—белка. По длинной ветке бежит. Добежала до

конца и ух!—прыгнула далеко вперёд. Вытянулась вся в воздухе и точно-точно попала на самую нижнюю ветку орешника.

С ветки снег посыпался, а белка вверх по тонкому стволу взбежала, потом снова по ветке—и опять прыжок на следующее дерево. Да как быстро и уверенно! Наверное, она не первый раз этим путём куда-то бежит. Может, у неё гнездо близко?

Беличье гнездо трудно найти. Оно вроде круглого домика из веток. Внутри мохом да перьями выстлано для тепла и называется—гайно.

Только редко, кто это удивительное гнездо видел. Может, тебе посчастливится увидеть? Хорошо бы!

Иду, смотрю по сторонам, и по макушкам деревьев смотрю, и вниз—себе под ноги.

Везде интересно, и везде удивительно.

На еловых ветках снег лежит толстым слоем. Похож на большие белые подушки. Тяжёлые. Ветки под ними опускаются. А берёзовые ветки все в инее. Как из бумаги, мелко-мелко вырезанные. И ещё на кружево похоже или будто каждая веточка пухом обсыпана.

Небо синее-синее, как шёлковая материя.

Вершины берёз на нём будто приклеенные. Белые, пушистые и от солнца чуть золотом поблёскивают.

Я всегда, когда на облака или деревья гляжу, стараюсь представить себе, что на что похоже. И ты так попробуй.

Облака бывают на мыльную пену похожи, на перья, на волосы, на снежные горы. А бывает, что какое-нибудь облако на человеческое лицо похоже. И нос, и рот получается, и борода растрёпана. Очень интересно!

Иду, а передо мной искорки по снегу бегут. Быстро-быстро, как осколки стекла или серебряные огоньки вспыхивают врассыпную. Остановился, и они остановились. Каждая блестящая точка на своём месте сверкает. Только двинешься, и они начинают прыгать по снегу, будто их кто-то с неба сыплет.

Долго я так с искорками в весёлую игру играл. Остановлюсь, пойду, остановлюсь, пойду. Потом остановился, да и перестал на искры глядеть. Потому что вижу—прямо передо мной опять чьи-то следы. Только не беличьи. Ямочка, чёрточка, ямочка, чёрточка.

Это лесная мышь прыгала. Искала еловые семечки, которые белка роняла, когда шишку грызла.

Ну, ямочки, это понятно, а почему от каждой ямочки чёрточка идёт? Тоже понятно—это мышинный хвостик.

Пошёл по следу. Ямочка с хвостиком, ямочка с хвостиком, ямочка с хвостиком, ямочка с хвостиком. Только здесь расстояние между ямочками больше. Это значит, она торопилась скорее через полянку перескочить. И прыжки от скорости длинные получились. На полянке-то ведь мышь заметнее. Как бы кто не схватил. Врагов у неё много. Лисица может схватить, а ночью сова, либо филин. Лесные мыши больше по ночам бегают.

Только никто нашу мышь не поймал.

Следы дальше по перелеску идут. Ямочка с хвостиком, ямочка с хвостиком, ямочка с хвостиком. Прыжки опять стали короче, значит, успокоилась мышь и куда-то за можжевельник завернула.

Так. Ну, теперь всё ясно.

Впереди пенёк, в пеньке расщелина, а в ней еловая шишка торчит. Вся шершавая, чешуйки в разные стороны. Это станок дятла.

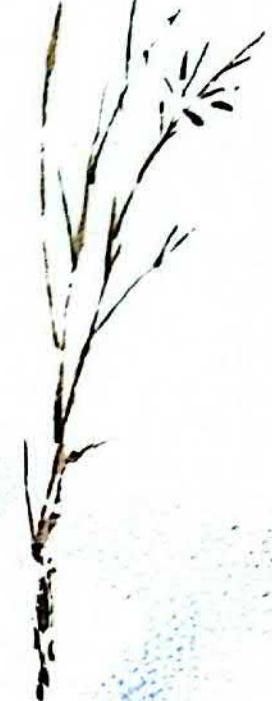
Обгрызёт дятел еловую шишку, прилетит к этому станку, воткнёт шишку в заранее приготовленную им расщелину и шелушит чешуйки.

Я об этом слышал, но никогда сам не видел. А теперь меня к станку мышиные следы привели. Спрячусь за можжевельником. Подожду, может, дятел прилетит.

Стою, сквозь ветки на небо гляжу. По небу медленно маленькие облачка проплывают. От ветки к ветке розовые пятнышки пробираются.

Глядел я, глядел на облака — и чуть было дятла не пропустил.

А он прилетел с еловой

шишкой в клюве. Пёстрый. Такой точно, как к моей кормушке прилетает. В красной шапочке. Может, даже тот самый.

Прилетел. Взял принесённую шишку в лапу, вытащил клювом из щёлки старую шишку, новую в ту же самую щёлку воткнул и стал чешуйки раздвигать и семена выклёвывать.

Вдруг откуда ни возьмись — синица, а за ней другая и третья. Сели под самым пнём и ждут, когда дятел какое-нибудь семечко уронит. Как уронил, тут же одна синица это семечко и клюнула. Значит, и мышь сюда прибегает еловые семечки подбирать.

Быстро дятел со своей шишкой управился и опять улетел. Это мне повезло. В первый раз я такое видел. Разве не удивительно? И главное, совсем рядом. От дома полчаса ходу.

«Кррук-кррук..... кррук-кррук... кррук-кррук...» Поднял голову. Низко над деревьями медленно летит большая чёрная птица. Ворон. Его не так-то часто встретишь. «Кррук-кррук... кррук-кррук...» Пролетел. Даже некоторые взрослые люди думают, что ворон — это тоже, что ворона, только самец. Так сказать,

муж вороны. Мне всегда бывает смешно, когда люди так думают. Ворон — это совсем другая птица. Он весь, как уголь, чёрный. Даже с синим отливом и гораздо больше вороны.

На вид ворон — птица мрачная, но к человеку привыкает легко.

Один мой знакомый нашёл в лесу кем-то раненного ворона. У него было подбито крыло. Встречаются люди — глупые и злые. Им бы только убить какую-нибудь птицу. Из ружья, из рогатки либо просто камнем. Воробья так воробья, галку так галку. А зачем убить, неизвестно. Ворон — очень редкая и очень полезная птица, а в него взял кто-то и выстрелил.

Мой знакомый подобрал ворона. Тот, конечно, сперва не давался в руки, больно клевал. А потом привык к человеку.

Летать он не мог. Только на стол или на стул мог взлететь. Пищу из рук брал и быстро научился говорить «здрррааствуй... здрррааствуй», «погладь воррронка» и подставлял голову, чтобы ему чесали затылок.

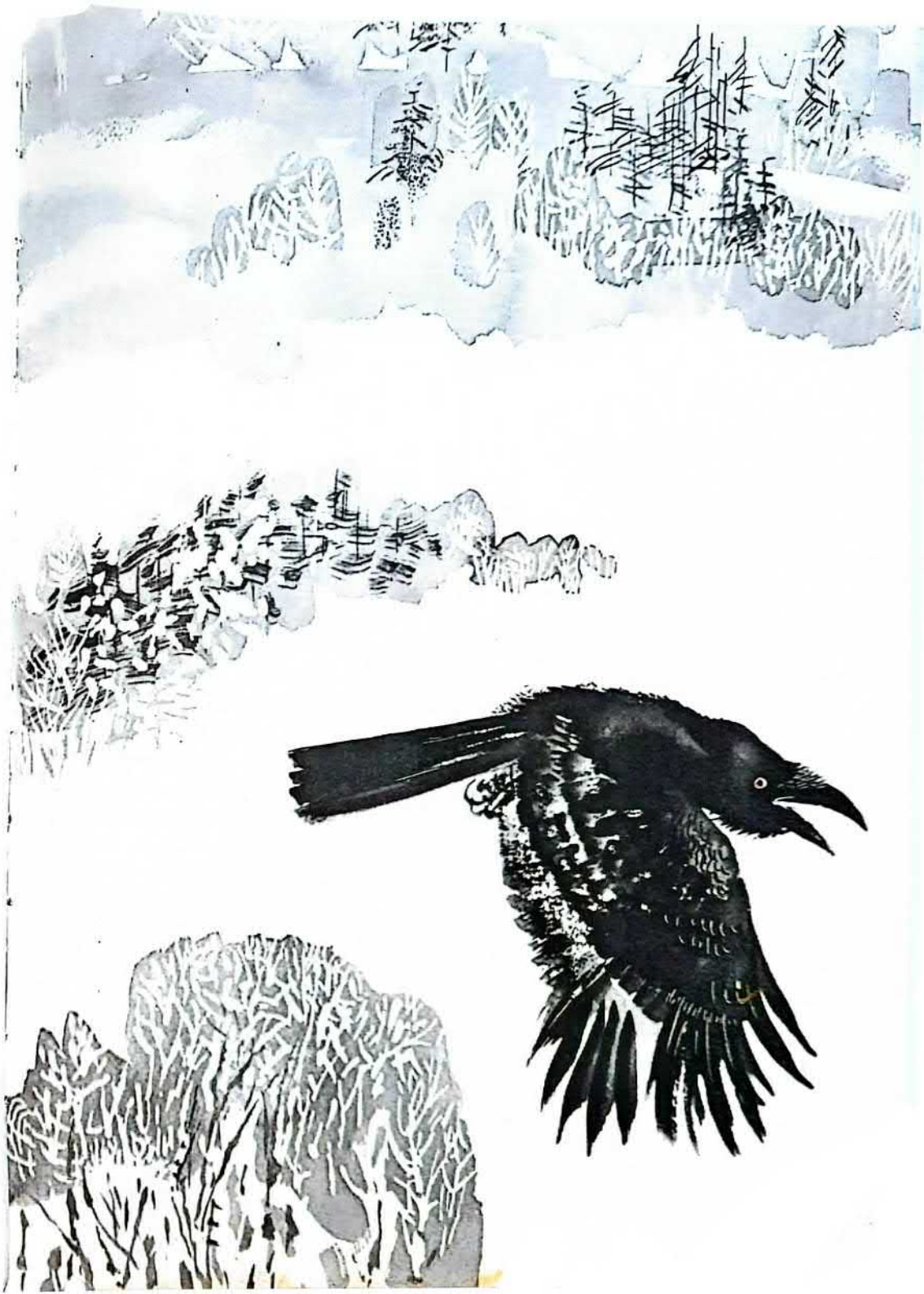
Проводил я взглядом пролетевшего ворона и повернул назад к дому. Солнце на закат пошло. Верхушки берёз стали розовыми, облака совсем золотыми.

Иду — и всё-таки по сторонам да под ноги поглядываю. Опять еловая шишка, наполовину целая, а чешуйки растрёпаны. Значит, их кто-то расщеплял, доставал семечки. Недогрыз да выронил.

Во-о-он, это кто. На самой вершине ёлки с ветки на ветку перепрыгивает.

В первый раз я эту птицу в Москве на Птичьем рынке увидел. В клетке. Птичий рынок тогда в Москве на Трубной площади был.

Смотрю — сидит в клетке маленькая птица. Грудь у неё красная, а клюв кривой. Верхняя половинка клюва с нижней перекрещивается.

Продавец нёс перед собой клетку и кричал:

— Кому еловика, кому еловика!

Я спрашиваю:

— Почему у этого еловика клюв какой-то испорченный? Он больной, что ли?

А продавец говорит:

— Эх ты, дурья голова. Это клёст. Понимаешь, клёст. У клестов всегда клювы такие, чтобы шишки шелушить.

Но самое интересное я про клеста потом узнал.

Уж никак не думал, что среди зимы, в самую стужу, какая-нибудь птица могла яйца класть и птенцов высиживать. А оказывается, есть такая птица. Клёст.

Разыскать его гнездо очень трудно. Оно из прутиков свито, а внутри пёрышками да пушинками выстлано. И в январе-феврале сидит самочка на яйцах, а самец её изо рта кормит. Выведутся птенцы. Голые. Мороз трещит в лесу. А самочка, всё на птенцах сидит. Им тепло.

Темнеть стало. Солнце красным шаром сквозь стволы проглядывает. Надо домой идти. Поглядел на часы. Шестой час. Значит, я уже больше пяти часов по лесу брожу.

Пришёл домой, а в доме гость. Сидит и меня дожидается, чтобы вместе чай пить.

Спрашивает:

— Что сегодня делали? Писали что-нибудь?

— Да нет, не писал.

— Читали?

— Да нет, и не читал.

— Что же вы тогда делали?

— Да ничего особенного. Просто гулял.

А когда гость ушёл, я подумал, что неправильно ему ответил. Как же это так, ничего особенного, коли я так много увидел и узнал за сегодняшний день.

содержание

За окном осень	5
Леший	15
Муха	19
Чужой язык	27
Стеклянный пруд	37
В чужом небе	43
«Кс-кс, пюс-пюс»	49
Спасёнка	55
«Заполярные» ласточки	61
Ничего особенного	67

Для дошкольного возраста
Сергей Владимирович Образцов
МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ ПРО ЖИВОТНЫХ

Художник Н. Е. Чарушин
Шрифтовое оформление В. В. Перцова
ИБ № 971

Редактор Н. Сендрова
Художественный редактор Г. Контелова
Технический редактор Т. Щептеев
Корректоры С. Бланкштейн и Н. Шадрин

Сдано в набор 01.02.79. Подписано в печать 24.06.80.
60х90/8. Бум. офс. № 1. Гарнитура журнальная. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 10. 3/4-над. л. 8,25. Тираж 100 000 экз.
Изд. № 1043. Заказ № 50. Цена 1 руб. 10 коп. Издательство
«Малыш». Москва, К-35, Бутырский вал, 58.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграф-
комбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглав-
полиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-
летия Октября, 46.

О 70801-004
M102(03)—80 92—80

